

«Двадцатый век – приключение идеологий»

Писатель Петр Вайль уверен: Россия никуда не деться от общечивилизационного пути

Петра Вайля – блестящего эссеиста, путешественника и гурмана – в России знают в лицо благодаря его программе на телеканале «Культура» «Гений места», удостоенной, кстати, специального приза – «За развитие просветительских традиций телевидения» на международном фестивале телевизионных программ и фильмов «Золотой бубен». Книги Петра Вайля «Карта родины», «Гений места», «Стихи про меня», а также «Русская кухня в изгнании», «Родная речь», «Мир советского человека», «Американа», написанные в соавторстве с Александром Генисом, хорошо известны русскому читателю. Лауреат нескольких литературных премий, член-основатель Академии русской современной словесности, главный редактор русской службы радио «Свобода» Петр Вайль не выносит скучных разговоров, прост в общении, охотно отвечает на поднадевшие вопросы о великих современниках, литературе, политике и просит называть его только по имени. Корреспонденту «НВ» удалось побеседовать с писателем во время его участия в Лихачевских научных чтениях, организованных Гуманитарным университетом профсоюзов.

– Петр, у вас с Александром Генисом в эмиграции, в Нью-Йорке, сложился удивительный творческий tandem. Что это – везение или пришлось прорыться «через тернии к звездам»?

– никаких лишений мы не испытывали. Я приехал в Нью-Йорк стандартным путем из Италии. Там написал два каких-то сочинения и принес их в ежедневную газету «Новое русское слово». Они напечатали обе эти вещи и пригласили в штат. Так через две недели после приезда я нашел работу. Жили мы бедновато, особенно когда стали работать в еженедельной газете «Новый американец». Ее главным редактором был Сергей Довлатов...

– Сложно представить Довлатова в роли организатора...

– Организатором он вообще не был. Эту роль исполняли мы с Сашей. Были чем-то вроде секретариата. официально я был довлатовским заместителем. Но Довлатов, безусловно, был настоящим главным редактором, лицом газеты и писал в каждый номер редакционную колонку. Она издана сейчас отдельной книжкой. Без Довлатова «Новый американец» не существовал бы. Он был духом этой газеты.

– А фактически газетой рулили вы?

– Ну да. У меня был опыт секретариатской работы еще в Риге. Так что мы не только писали и редактировали, мы и верстали эту газету – своими руками. А Сергей задавал общее направление. Очень ответственно и скрупулезно подходил к делу. У него не было свойственного русским писателям пренебрежения к газетной работе.

– Так почему же развалился «Новый американец»?

– Сначала ушел Довлатов. Потом – мы. В принципе мы могли делать интересную газету, но уж сделать ее доходной точно не были способны. То есть полные балбесы, что Довлатов, что я, что Саша. Ни как получить рекламу, ни как организовать подписку толком не знали. Не способны были ни к какой коммерческой деятельности. Вот и все! Но на этом наша дружба с Довлатовым не закончилась. Все двенадцать лет, что он там прожил, мы были, в общем, рядышком.

– Есть мнение, что если бы Довлатов не эмигрировал, то попросту затерялся бы в России и, возможно, мир не узнал бы писателя Довлатова?

– Единственное, чего хотел Довлатов, когда уезжал, – быть настоящим писателем с книгами. Он и в Таллин поехал из-за того, что там был шанс книгу издать. Не получилось. Тогда он рванул в Америку, которая сделала его писателем. Ведь он по стилю своей прозы – самый истинный американец. Рубленые фразы, лаконичность, точность свойственны его произведениям. Это все школа американ-

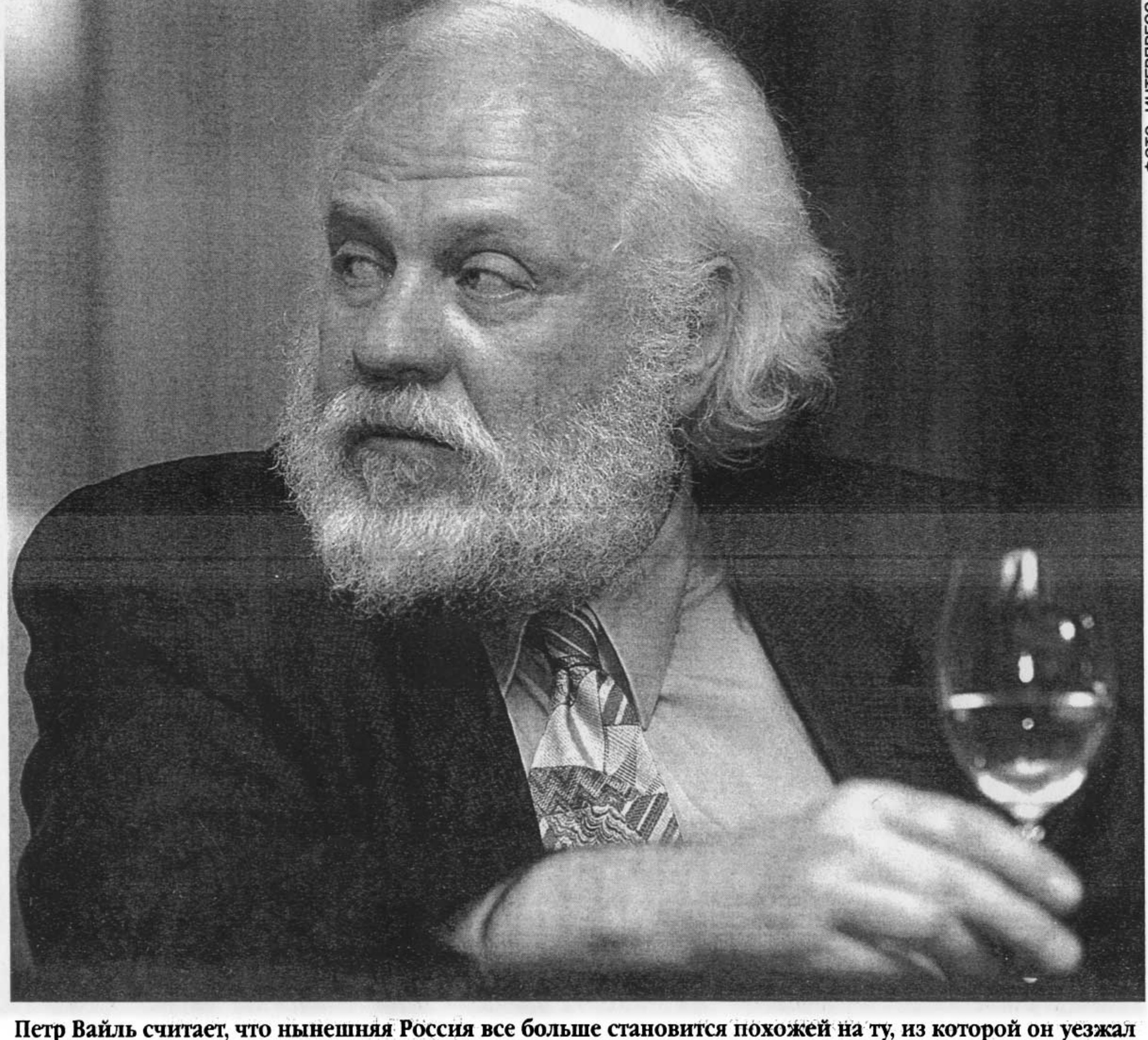

ФОТО «ИНТЕРПРЕСС»

Петр Вайль считает, что нынешняя Россия все больше становится похожей на ту, из которой он уезжал

ской прозы – Сэлинджера, Хемингуэя, Стайнбека. Он это все обожал, знал назубок. И поэтому оказался так замечательно переводим на английский. Довлатов стал вторым русским прозаиком (после Набокова), которого опубликовали в престижном журнале «Нью-Йоркер», причем целых десять рассказов. Для иностранца это фантастика! Довлатов оказался на своем месте. Нью-Йорк – такой город, что каждый найдет в нем свою нишу, и Довлатов ее нашел.

– А почему с Генисом ваши пути разошлись?

– У нас ссор не было. Думаю, это проблемы возраста. Человеку свойственно с годами оставаться одному. А соавторство, застолье, тесная дружба с выпивкой постепенно сходят на нет.

– Вы главный редактор русской службы радио «Свобода». Не кажется ли вам, что само это слово «свобода» сегодня обесценилось?

– Слово-то не обесценилось, просто цена его в разных местах и в разные времена отличается. Нынешняя Россия все больше становится похожей на ту, из которой я уезжал. Еще лет 10 назад была полная свобода информации, анализа, комментария, а сейчас ничего этого нет.

– Следите ли вы за современной литературой в России?

– Более-менее слежу, ну, как читатель. Когда-то, много лет назад, занимался литературной критикой. Хотя, знаете, как-то с течением лет все меньше читают беллетристику и все больше увлекают нон-фикши.

– Кстати, это общая тенденция. Пребывает ли она интерес к современной литературе?

– Думаю, ничто в обозримом будущем по популярности не перебьет роман как жанр. Но тем не менее заходишь в книжный магазин и видишь, как разрастаются полки мемуаров, биографий, всевозможной документальной прозы, истории. Я думаю, это нормально, потому что весь двадцатый век – такое приключение всевозможных идеологий! Самые из них долгиграющие – нацизм и коммунизм. Все они потерпели позорный крах. Идеологическому слову нормальный человек перестал верить, а как следствие – и вымыселному слову. Нужен факт. Это какого класса должен быть писатель-беллетрист, чтобы я ему поверил! Ну, класса Толстого, не меньше! А где они, такие писатели? Поэтому и тяготеешь к литературе факта.

– Вы серьезно считаете, что эпоха идеологий окончилась?

– Во всяком случае, они дискредитировались. Потому что та идеоло-

гия, которую пытаются как-то вернуть в авторитарные режимы, – повтор старой. Какой был соблазн у огромной Германии с нацизмом! Какой был соблазн у русской интеллигенции с коммунизмом! Ну чем сейчас можно привлечь? Разве только религией. Но это только для не слишком цивилизованных стран, что показывает югославская война или исламский фундаментализм.

– В России религия смыкается с государством и начинает играть в нем одну из главных ролей...

– Ей навязывают эту роль. И она, вот именно, играет ее. На деле этого не происходит. Церковь действительно смыкается с государством. Но это благодаря усилиям государства и встречным усилиям Церкви, таким образом им выгодно зарабатывать авторитет и деньги. Но никакого реального религиозного возрождения не происходит. Вот в Армении я был поражен, как бережно они сохраняли свои религиозные традиции. Все советские годы они крестились, венчались, отпевали усопших, и члены партии все это делали. У них религиозные традиции въелись в культуру, в сознание.

– К сожалению, у нас нарушена эта связь поколений.

– Точно. Ведь наш народ-богоносец, буквально только что стоявший на коленях перед образами, вдруг в 17-м году стал устраивать картофелхранилища в церквях, а в 91-м году вдруг опять церкви пооткрывал и на колени повалился. Вы хотите, чтобы я в это верил? Нет, конечно. Это все такие заполнения идеологических пустот.

– Вас раздражают все эти разговоры про особый путь России?

– Разговоры про особый путь России – это одна из самых нелепых химер, которые можно вообразить. Потому что Россия в культурном отношении – часть Европы, часть Запада. Потому что наши культурные столпы – Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов – читали не Хафиза и не Саади, а Петрарку, Данте и Шекспира. И мы на них тоже воспитаны, даже если косвенно.

– Русская культура – часть европейской культуры...

– Абсолютно. И думать, что Россия будет искать свой путь, когда давно уже проложены магистрали цивилизации, нелепо. Это дурацкая игра. Представьте, что вы вышли на широкую, хорошую дорогу, но по ней не пойдете, а будете по бурелому топтать свою тропу. Зачем, если все уже сделано? России никуда не деться от общечивилизационного пути. Никакая она не Азия. Самая что ни на есть Европа по культуре.

– Однако есть мнение, что, в отличие от демократической Европы, в России возможна лишь жесткая вертикаль власти, к которой мы, собственно, и вернулись.

– Я не верю, что Россия не готова к демократии. Есть такая популярная точка зрения, что Россия должна пройти через путь этой самой вертикали, то есть через путь авторитаризма. Может, так и произойдет. Но в 90-е годы был шанс. Однако идти по старым колеям людям советского сознания, которые стояли у власти, независимо от возраста, оказалось проще.

– Давайте лучше о стихах поговорим. Как-то вы обмолвились: «Стихи – средство для жизни». То есть вы со стихами не расстаетесь?

– Но я живу не только со стихами. Я живу еще и с кино, и с музыкой, и с живописью. Если лет двадцать назад литература составляла три четверти моего горизонта, то сейчас, я думаю, меньше половины. Потеснилась перед музыкой, живописью, кинематографом. Но как в книжке написать про музыку? А стихи удобны. Напечатано – и сразу видно, какие стихи. В них своя музыка.

– Есть ли поэт, который абсолютно ваш?

– Бродский, конечно. Он зарифмовал нашу эпоху. Несколько поколений считают его своим в самом буквальном смысле. «За рубашкой в комод полезешь, и день потерян», «Налить вам этой мерзости? Налейте!», «Что сказать мне о жизни? Что оказалось длинной», «Из всех законов, изданных Хаммурапи, самые главные – пенальти и уголовой». Это все про нас написано. Поэтому и название книжки «Стихи про меня». Это про меня написано. Бродский высказал то, что мы со своим косноязычием высказать не можем. И большое ему спасибо за это.

– Цитата из вашей последней книги «Стихи про меня»: «Непонимание – наше шестое чувство». Что имелось в виду?

– Чем искусство отличается от автомобиля? Автомобиль при желании можно изучить. А почему слова «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты» действуют больше, чем «Я припоминаю симпатичную минутку, ты прошла передо мной». Почему первое – высокая поэзия, а второе – констатация факта? Это непонятно. И слава Богу! Поэтому у нас есть слух, зрение, обоняние, осязание, но остается запор, благодаря которому мы чувствуем, что жизнь прекрасна. Вот это наше непонимание.

Беседовала
Лидия Березнякова